

НАСЛЕДИЕ ХОЛОКОСТА В СВЕТЕ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Е.С. Громогласова

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

В соответствии со сложившимися интеллектуальными традициями, осмысление проблемы холокоста (1933-1945 гг.) происходит в русле функционалистской и интенционалистской школ. «Функционалисты» анализируют холокост как вызов современной западной цивилизации, её бюрократической рациональности с акцентом на развитие, научно-технический прогресс и просвещение. «Интенционалисты» изучают намерения нацистов, их идеологию, причины антисемитизма и его радикализации в межвоенный период в Европе. Настоящая статья следует интенционалистской традиции. В центре внимания автора находится феномен отсутствия вины у подавляющего большинства (если не у всех) нацистских преступников. Анализ этого феномена предпринимается с опорой на воспоминания выживших жертв и их теоретические интерпретации. Учитываются временной и пространственный аспекты холокоста в связи с биополитическими установками нацистов. В задачи статьи не входит историческое исследование; она нацелена на выработку подхода к анализу гуманитарных проблем современности с опорой на наследие холокоста. Анализ релевантного наследия позволяет уточнить содержание современного понятия «гуманитарная безопасность» и увидеть проблемные зоны в современной практике защиты прав человека. Данная проблематика представляется значимой и при анализе актов военного насилия в отношении гражданских лиц.

Ключевые слова: холокост, геноцид, одностороннее насилие, политическое пространство, гуманитарная безопасность, Д.Агамбен, наследие, вторая мировая война, R2P, биополитика.

При изучении [17, 18, 22, 35, 36, 37, 40] холокоста закономерно встаёт вопрос о том, как и почему он стал возможен. Поиски ответа выводят на фундаментальную проблему девальвации человеческой жизни в условиях тоталитаризма и Второй мировой войны. Проблема девальвации человеческой жизни объединяет наследие тоталитаризма, холокоста и второй мировой войны с современными вызовами гуманитарной безопасности. Поражает тот факт, что режим, обесценивший человеческую жизнь до состояния, при котором преступники не чувствовали вины за совершение преступлений против человечности, возник в высокоразвитой немецкой нации, давшей миру много образцов гуманизма.

Относительно недавние работы по проблематике нацистских концлагерей [33] позволяют осмыслить этот парадокс с выходом за рамки классических концепций тоталитарного государства, когда проблема анализируется в более широкой категории чрезвычайного политического пространства [2, 38]. Оно оказалось более живучим, нежели тоталитарное государство XX в., и продолжает возникать в разных точках современной политической карты мира.

Если поставить под сомнение тезис Х. Арендт о банальности зла, то отсутствие чувства вины окажется не только чертой к портрету преступников, но, как ни парадоксально, и характеристикой политического пространства, в котором холокост стал возможен. Пространство и время важны не сами по себе, а в той мере, в какой в них осуществляется преступная человеческая воля, не находящая ни внутренних, ни внешних ограничений. В пространственных исследованиях холокоста применяется различная методология [21, 32]. В настоящей статье основное внимание уделяется интерпретации свидетельств выживших и анализу атласа холокоста [36, 37]. Его изучение позволяет говорить о двух основных формах пространственной локализации актов геноцидного насилия: 1) в лагерном пространстве; и 2) вне его пределов¹. Вначале стоит остановиться на первой из них, так как эта форма возникла ещё в довоенный период (1933-1938 гг.).

Холокост в стенах лагеря и проблемы современных «чрезвычайных пространств»

Нацистский лагерь был предельным выражением власти над человеческой жизнью, её ис-

ключения из пространства дома, семьи, из круга друзей и памяти кого бы то ни было. В нём теряли смысл и ценность все человеческие понятия [49]. В этой статье анализ природы лагерного пространства основывается на интерпретации свидетельства об Освенциме, оставленного П. Леви, одним из выживших узников этого лагеря смерти.

П. Леви [12, 13] обращает внимание на две основные, противоположные друг другу пространственные характеристики лагерного насилия: «серая зона» и невидимая граница с «внешним миром». Чтобы понять, в чём «серая зона» и «граница» противоположны друг другу, а в чём совпадают, и почему они составляют конституирующие элементы лагерного пространства, необходимо проанализировать оба понятия.

«Граница» – наиболее очевидная характеристика пространства лагеря. Её анализ принят в наиболее ранних работах выживших узников. Так, О. Когон, учёный-интеллектуал и выживший узник Бухенвальда, одним из первых анализировал географическое расположение концентрационных лагерей, их «внешнее» (где размещались административные здания, бараки эсэсовцев и пр.) и «внутреннее» («за колючей проволокой») пространства [43, р.40–50]. Он характеризовал «внутреннюю» зону как территорию оголённую, опустошённую, жёстко изолированную от внешнего мира [43, р.44]. Вслед за О. Когоном, в 1990-е гг. границы как организационный принцип нацистского лагеря анализировал социолог В. Софски. Вводя в научный оборот понятие абсолютной власти, Софски исследовал способ, каким она реализует себя в пространстве и времени. Он подробно рассмотрел принцип «зонирования» и практику минимизации жизненного пространства узников [49, р.45–73].

Важно понимать, что прежде всего границы пролегли между людьми. [4, с.579–580]. «Граница», ощущавшаяся П. Леви, безнадежно отсекала его от тех обычных людей, к которым он ещё совсем недавно принадлежал. П. Леви вспоминал о немецком инженерере, взгляд которого при общении с обитателями лагеря был «словно направлен через стеклянную стенку аквариума на существо из другой среды обитания» [12, с.126]. П. Леви был уверен, что если бы он мог «до конца разобраться в природе этого взгляда, он разобрался бы и в причинах велико-

¹ Пространственный подход к анализу проблематики холокоста немислим вне исторического контекста. Две условно выделенные пространственные локализации геноцидного насилия (в лагере/за его пределами) должны изучаться с учётом того, что нацистский террор принимал всё более немислимые формы по мере укрепления тоталитарной власти. В довоенный период (1933–1938 гг.) в Германии геноцид принял форму погромов, в которых участвовали немецкие «массы». Видимо, поэтому гражданское сопротивление геноциду было слабым. После Хрустальной ночи (9–10.11.1938) более 35 000 евреев по всей Германии были схвачены и депортированы в концлагеря, их общая численность среди узников возросла вдвое [36, р. 18]. Таким образом, лагерь как форма геноцидного насилия существовал и в предвоенные, и в военные годы. В военный период, для анализа которого большое значение имеет учёт итогов Ванзейской конференции 1942 г., лагерное насилие достигло пика. В последние месяцы войны концентрационные лагеря в Германии на территории оккупированной Польши стали лагерями уничтожения. Геноцид за пределами лагеря в военные годы – это не уличные погромы, а преступления айнзатцгрупп.

■ Мировая политика

го безумия Третьего рейха» [12, с.126]. Видимо, проблема состоит в отрицании самой возможности установления человеческих отношений (включая солидарность, помощь, сопереживание и симпатию) между узником лагеря и человеком из внешнего мира. Кроме того, «безумие» ситуации осознавалось только П. Леви, тогда как немецкий инженер, видимо, не стремился разрушить границу, отделявшую от него «другую среду обитания».

Анализ границ как конституирующего принципа лагеря позволяет говорить о том, что это был особый вид политического пространства, созданного решением власти. Данное решение «изымало» людей, не совершивших преступления, из области политической репрезентации и правовой защиты. В лагере с человеком могло произойти что угодно, и никто не нес наказания. Из такой характеристики следует определение лагеря как предельной формы тоталитаризма. С этим трудно спорить, но однозначная привязка лагеря к тоталитарному государству, утвердившаяся в политической науке, снизила интерес к альтернативной концептуализации лагерного пространства.

Границы, отделявшие лагерь от внешнего мира, могут объяснить безнаказанность преступников, но не объясняют предельной деградации человечности, моральных внутренних законов. Поэтому новейшие работы по проблемам лагерного пространства [33] сконцентрированы на анализе понятия «серая зона», которое П. Леви использовал для описания происходившего внутри лагеря [13, с.28–56]. «Серая зона» с размытыми контурами охватывала разные формы коллаборационизма лагерным начальством.

Понятие «серая зона» активно используется в работах по гуманитарной проблематике [7, 42], тем самым анализ свидетельств выживших жертв холокоста позволяет лучше осмыслить ряд современных угроз человечеству. Мозаичность политической карты мира в сочетании с транснациональными силами глобализации – факторы, не способствующие снижению рисков возникновения новых «зон исключения» из политической репрезентации и правовой защиты, где девальвируется ценность человеческой жизни. Анализ такого рода современных пограничных пространств посвящён ряд публикаций [26, 42, 50].

Холокост вне стен лагеря

С началом Второй мировой войны умножилось насилие в отношении еврейского населения. Если сгруппировать карты военных лет [37] не по хронологическому признаку, а по видам преступлений и их локализации, станет понятно, что наиболее тяжкие преступления холокоста произошли на оккупированных немцами восточноевропейских территориях (Польша, затем СССР).

Бедствия жителей Восточной Европы были вызваны не только нацистской практикой войны

на уничтожение (Vernichtungskrieg) и деятельностью айнзатцгрупп [51]. Не меньше пострадал и балканский регион. 6 апреля 1941 г. немецкие войска вторглись в Югославию и Грецию, а 20 августа историческая область Банат (территории современной Сербии, Румынии и Венгрии) была объявлена «свободной от евреев» (judenrein) [36, р.38]. В нацистском мышлении и планировании именно в Восточной Европе должно было происходить на практике «окончательное решение еврейского вопроса». Поэтому лагеря смерти на территории оккупированной Польши (например, Собибор) стали «последним пунктом назначения» сотен депортационных поездов. Они отправлялись из Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции, Германии, Норвегии, Италии, Австрии, Югославии, Греции, Венгрии, Чехословакии и самой Польши.

С началом Великой Отечественной войны число жертв геноцида выросло до десятков тысяч. Насилие первых дней оккупации не было скрыто стенами лагеря, но оно было вытеснено с улиц побеждённых городов. Айнзатцгруппы вывозили своих жертв на окраины, в пригороды, в лесные массивы.

С позиций сегодняшнего дня и общечеловеческой этики беспрецедентность произошедшего вновь ставит простые вопросы: почему это случилось? Почему достигло таких ужасающих масштабов и форм? Одно из новых направлений поиска ответа на эти вопросы связано с анализом нерациональных мотиваций нацистских преступников. При этом речь может идти об особенностях их пространственного мышления.

П. Джаккариа и К. Минка [34] показали, как замысел по осуществлению геноцида сначала принял географические очертания, детерминированные нацистскими представлениями о третьем рейхе и «новом германском человеке», затем был сформулирован в нацистской политике пространственного планирования и в конце концов пришёл к своей реализации в чётких, реальных географических границах. Их исследование опирается на пространственные метафоры «города» (città) и «леса» (selva), предложенные Д. Агамбенем [1, с.136–145]. «Город» – это пространство права и цивилизованного организованного общежития, а «лес» – зона, где не действуют законы социума, жизнь низведена до примитивной биологической жизни. Человек, принадлежащий сразу двум мирам, частично и/или полностью утратил свой человеческий облик.

И «город», и «лес» как пространственные метафоры имеют двойственный смысл. С одной стороны, «город» – это организующий принцип сообщества, гражданства и цивилизации, огромное «цивилизованное» германизированное пространство, заселённое «новым арийским человеком», с другой – город в буквальном смысле. «Лес» подразумевает и «природное состояние», и реальный лес. Как видно из атласа холокоста, границы нацистского «города» были очерчены

кругом стран, из которых производилась депортация: в большинстве своём это были оккупированные страны Западной Европы.

Важно понимать, что в нацистском геополитическом проекте «город» – не только пространственная метафора, но идеал общества, в котором должны совпадать категории «народ» и «население». Поэтому на начальных этапах геноцидное насилие в третьем рейхе развивалось в виде политики сегрегации и исключения из немецкого общества. По завершении этих стадий нацистские преступники столкнулись с вопросом, где разместить тех, кому не было места в идеальном германском «городе».

Геноцидное насилие выражается в том, что его жертв лишают места в мире людей. Понятно каким образом в пространственном воображении нацистской элиты вслед за «городом» возникает представление о «лесе» как внешнем по отношению к рейху пространстве, в которое вытесняются жертвы геноцида. О том, что «лес» действительно присутствовал в пространственном воображении нацистских преступников, свидетельствуют эвфемизмы, использовавшиеся в ходе депортаций («эвакуация на Восток», транспортировка «далее на Восток»). «Лес» как нецивилизованное, непригодное для жизни человека пространство всегда был необходим и неизменно присущ нацистскому универсуму. В предвоенные годы на территории самой Германии он материализовался в реальности концентрационных лагерей. В военные годы – в лесах Польши, Прибалтики, Белоруссии, Украины, России. П. Джаккария и К. Минка обращают внимание на родство двух наиболее ужасных воплощений геноцидного насилия: лагерей смерти и преступлений айнзатцгрупп [34].

«Лес» как зона примитивного насилия для людей, выдворенных из «города» нацистской биополитической машиной селекции, был необходим, но одновременно представлял угрозу нацистскому проекту «нового общества». Поведение непосредственных исполнителей преступлений геноцида и феномен коллаборационизма можно анализировать по обитателю границы «леса» и «города», потерявшему свой человеческий облик. П. Джаккария и К. Минка полагают, что делегирование наиболее ужасных функций коллаборационистам, сформированным спецподразделениям из преступников и всевозможным зондеркомандам, было продиктовано страхом нацистов перед «лесом» и тем, что они останутся в нём навсегда, не смогут вернуться в «цивилизованное пространство»

нацистского «города». Проблема, которая здесь возникает, связана с тем, что «лес» как воображаемый, так и реальный, может порождать в преступниках чувство безнаказанности. «Лес» как зона исключения из морального и юридического закона, реализованная в конкретном пространстве, «производит» новых «нелюдей»: коллаборационистов и членов айнзатцгрупп. В последние месяцы и дни Великой Отечественной войны действительно происходит слияние «леса» и «города» в конкретных географических местах, а также окончательный коллапс нацистского «города» как гео- и биополитического проекта. П. Джаккария и К. Минка подчёркивают в этой связи феномен немотивированного насилия надзирателей, сопровождавших «марши смерти» узников лагерей. В тех условиях «пункт назначения» был потерян не только узниками, но и их надзирателями, лишившимися своего «цивилизованного пространства», оправдывавшего в их глазах все преступления.

Возникает промежуточный вывод о существовавшей в представлениях нацистов «географической иерархии» оккупированных и аннексированных территорий [34]. Воображаемый «лес» нацистов, воплощённый ими в конкретных местах, был для них разновидностью «географического мусорного бака» [34]. Этот подход к территории (Польши и СССР), осуществлённый нацистами на практике, породил огромную волну насилия и деградации социальных и человеческих отношений. Возможно, данное тяжкое наследие сказывается на долгосрочном развитии восточноевропейских стран.

В целом, данная теоретическая перспектива даёт возможность искать новые направления предотвращения актов одностороннего политического насилия в современном мире.

Современные вызовы одностороннего политического насилия²

Изучая пространственные и временные аспекты холокоста, можно прийти к выводу, что связанная с ним проблематика выходит за пределы юридического определения геноцида³. Видимо, вызов, с которым сталкиваются как исследователи, так и политики, дипломаты и юристы, состоит в том, что преступления против человечности по природе своей «немыслимы», и понятийные рамки, в которых их осмысляют, оказываются недостаточными для идентификации новых «пороговых ситуаций», «серых зон», «чрезвычайных пространств». Исследователи критикуют и слишком узкую, и слишком ши-

² В статье не рассматривается вызов терроризма.

³ Согласно Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него под геноцидом понимаются действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное её физическое уничтожение; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

■ Мировая политика

рокую дефиницию преступления геноцида и предлагают новые понятия: «демоцид» [31, 48], «политицид» [39, р.58], «косвенный геноцид» [19].

На международных трибуналах по бывшей Югославии и Руанде были впервые после Нюрнбергского процесса выдвинуты обвинения в осуществлении геноцида как преступления против мира и человечности [10, с.121]. Послевоенная история была омрачена и другими актами одностороннего насилия, не признанными/частично признанными в качестве преступления геноцида. Это «украденные поколения» Австралии⁴ (1905–1969 гг.); блокада Биафры во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970 гг.); преступления режима красных кхмеров в Камбодже (1975–1979 гг.); преступления индонезийского оккупационного режима в Восточном Тиморе (1975–1990-е гг.), истребление иракских курдов режимом С. Хусейна (1987–1989 гг.), расправы над мирным населением в ходе Дарфурского конфликта (2003 по н.в.) и др.

«Пространственный» подход к анализу современных актов одностороннего насилия мог бы развиваться в направлении более чёткой концептуализации политических условий, создающих «пороговые ситуации» и новые «чрезвычайные пространства». Эти условия могут быть сконструированы намеренно центральной властью (так называемое «намеренное» чрезвычайное положение⁵), если речь идёт о тоталитарных государствах. Они могут складываться в военное время стихийно. Иными словами, геноцидные намерения не обязательно должны предшествовать действиям по созданию «чрезвычайных пространств», где невозможное становится возможным. Иногда условия безнаказанности (чрезвычайное положение в военное время) могут порождать геноцидные намерения, и при этом не только у центральной власти и её агентов, но и у негосударственных акторов (повстанческих группировок и т.д.). С этой точки зрения важен анализ географической локализации кризисных гуманитарных ситуаций. А механизмы их предотвращения могут опираться не на дифференцированную классификацию преступных деяний, а на более общее

представление о гуманитарной безопасности (humansecurity)⁶.

Современная гуманитарная безопасность через призму наследия Холокоста

Историческое наследие имеет значение и влияет на современность. Но речь в данном случае идёт не о влиянии на развитие, о чем написано много работ [23, 47, 54], в том числе посвященных социальному и экономическому влиянию наследия Холокоста [20]. Значимость наследия рассмотрена здесь совсем в ином ракурсе. Наследие как правило нуждается в осмыслении и тем самым постоянно сохраняет связь с сегодняшним днем. Влиятельные интерпретации наследия способны формировать новые подходы, которые обретают популярность в научной среде, а затем транслируются в сферу практической политики.

Особое место в наследии холокоста занимают свидетельства выживших [11, 14]. Очень важно, что свидетели стремились передать не только личный опыт, но и опыт «канувших», тех, кто не вернулся. Свидетельство – это своего рода живое наследие. До недавнего времени теоретическое осмысление свидетельств, по крайней мере в русле критической школы, было развито относительно слабо, и на этом фоне прорывными выглядят работы Д. Агамбена, который поставил в центр внимания интерпретацию свидетельств жертв холокоста [3]. Как любая теория в области гуманитарного знания, подход Д. Агамбена может быть подвергнут критике [44, р.11; 45]. Но нельзя не видеть растущей популярности и влиятельности предложенных им концепций [26, 27, 28, 33, 34, 38, 41, 42, 50]. Видимо, это происходит потому, что новая интерпретация свидетельства П. Леви ярко показала, что может быть поставлено на кон, если не пресекать одностороннее политическое насилие на самых ранних стадиях. Отдельные преступления против человечности на самом деле затрагивают всех людей просто в силу того, что они предельно девальвируют человеческую жизнь, бросая тем самым вызов всем людям. Поэтому возникает идея о глобальной ответственности в деле обеспечения гуманитарной безопасности.

⁴ Политика федерального правительства Австралии, выражавшаяся в принудительном изъятии детей из семей аборигенов.

⁵ Режим чрезвычайного положения приостанавливает действие основных гражданских прав и свобод. Историческая связь института чрезвычайного положения с политическими потрясениями (народными волнениями, гражданской войной) позволяет говорить о том, что с его помощью вводится «режим узаконенной гражданской войны». Он делает возможным «уничтожение не только политических соперников, но и целых категорий граждан» [2, с.9]. Под категорию «узаконенной гражданской войны» могут подпадать современные акты государственного насилия в отношении собственного населения.

⁶ В настоящей статье понятие humansecurity переведено на русский язык как «гуманитарная безопасность». В официальных документах ООН оно переводится как «безопасность человека». В российских научных публикациях используются также термины «личностная безопасность» / «безопасность личности и общества» [6, 9]. Мы отдаём предпочтение варианту «гуманитарная безопасность», так как сама концепция говорит о необходимости не только предупреждения рисков для благополучия отдельных индивидов, но и обеспечения безопасности всего населения. Иными словами, термин «гуманитарная безопасность» более соответствует современной тенденции усиления биополитических подходов к регулированию жизни людей по всему миру.

Понятие гуманитарной безопасности зародилось в 1990-е гг.⁷ Его возникновение не связано с осмыслением наследия холокоста напрямую. Но в какой-то момент эти два направления интеллектуального поиска пересекаются и взаимно обогащаются⁸. Понятие гуманитарной безопасности находит опору в мощной традиции, возникшей в результате анализа проблематики холокоста. На самом деле, этический идеал и призыв «никогда снова» появился сразу после осуждения преступлений национал-социализма. Однако повторение прецедентов геноцидного насилия после второй мировой войны продемонстрировало, что восприятие холокоста как глобального предупреждения существовало только на словах. Поэтому новое обращение к его наследию в 1990-е гг. было закономерным.

Важно понимать, что легитимация любой концепции и её постепенное утверждение в качестве доктрины/принципа внешней политики может происходить не только (и не столько) на идеологическом уровне. Концепция может утверждаться «через наследие». Наследие формирует идентичность. Столкновение «лицом к лицу» с наследием холокоста позволило сформулировать принцип «никогда снова». Если гуманитарная безопасность – современное выражение данного принципа, в таком случае от неё нельзя отмахнуться как от пустой идеи и «сотрясения воздуха». Благодаря этому наследию новые инструменты по укреплению гуманитарной безопасности приобрели в глазах научного и политического сообществ дополнительный вес и легитимность⁹.

Современное прочтение свидетельства П. Леви говорит о том, что власть стремится вновь захватить контроль над человеческой жизнью, низвести её статус до простых биологических отправления и функций. Если власть и биологическая жизнь в современном мире столь неразрывно переплетены, то смысловое наполнение концепции гуманитарной безопасности может быть намного теснее связано с понятием «власть», а не «развитие». С этой точки зрения основной узел современных гуманитарных проблем и их исходная точка лежат не только в бедности/низких уровнях развития, но и в том способе, каким осуществляется политическая власть над конкретными территориями и населением. Ситуация крайней бедности го-

ворит о том, что часть людей оказалась в пространстве исключения, возникшем в результате действий власти – прежде всего национальной. Так как государство является системообразующим элементом международной системы, конечная ответственность за гуманитарную безопасность лежит именно на нём. С этих позиций становится возможным «интервенционистское» прочтение гуманитарной безопасности в приложении к международной сфере. Иными словами, если существует глобальная ответственность за сохранение человечности [30], то она должна быть подкреплена эффективным (в том числе и силовым) механизмом, который мог бы быть оперативно задействован. Цель – восстановление жизни в её статусе, возвращение её в поле права и безопасности из всевозможных современных «чрезвычайных зон» на ранних этапах насилия и/или деградации. По крайней мере, одна из трактовок понятия гуманитарная безопасность создаёт запрос на демократическое (индивидуальное и/или коллективное) лидерство в современном мире. Но, как возразили бы критики интервенционистского подхода, средства не должны перечёркивать цель [5].

В официальных документах ООН [8] преобладает сдержанный государственноцентричный подход к определению гуманитарной безопасности. Специально подчёркивается, что она не содержит угрозы применения силы, а также не подменяет государственной безопасности [8, с. 2–3]. Научный поиск идёт дальше официальных трактовок. В современных исследованиях понятие гуманитарной безопасности анализируется в контексте поиска действенных ответов на вызовы одностороннего политического насилия [24]. Современный взгляд на проблему выделяет вооружённое насилие со стороны государства/его агентов либо негосударственных акторов как основной источник угроз для гуманитарной безопасности [46]. В этой связи анализируется и принцип ответственности по защите как логическое продолжение идеи гуманитарной безопасности и попытка укрепить её действенным международным механизмом реагирования.

Принцип «ответственности по защите» был впервые провозглашён в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, созданной правительством Канады в 2001 г. [52]. В докладе

⁷ Концепция гуманитарной безопасности была впервые представлена в Докладе о развитии человека Программы развития ООН (ПРООН) 1994 г. в тесной связи с концепцией развития. Гуманитарная безопасность определялась как одновременно свобода от страха и свобода от нужды. Таким образом, концепция охватывала вопросы физической безопасности и социально-экономического благополучия личности.

⁸ Особенно это видно на примере научной деятельности Мемориального музея холокоста США. В качестве недавнего примера см. материалы конференции «США и R2P: от слов к действию», проведённой в 2013 г. Музей был одним из организаторов мероприятия [53].

⁹ Оценивая вклад бывшего министра иностранных дел Канады Л.Эксурси в гуманитарной сфере, профессор Б.О'Баннон отметил: «В конце своего срока на посту министра иностранных дел Л.Эксурси учредил международную комиссию, которая дала нам концепцию, известную как «ответственность по защите» – набор принципов, нацеленных на то, чтобы обещание «никогда снова», данное после холокоста, начало на самом деле что-то значить» [29].

■ Мировая политика

говорилось, что суверенитет государства подразумевает ответственность, и высшая ответственность за защиту граждан лежит на самом государстве. В тех случаях, когда людям угрожает серьёзная опасность в результате гражданской войны, восстания, репрессий или неспособности/нежелания государства защитить своё население, принцип невмешательства отступает перед принципом международной ответственности по защите. Военная интервенция в целях защиты людей представляет исключительную и экстраординарную меру. Она оправдана в таких ситуациях, как: 1) массовая гибель людей в результате геноцида, иных осознанных действий государства либо его отказа/неспособности действовать; 2) масштабные потери среди населения в результате этнических чисток (убийств, насильственного изгнания, террора). В сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита ООН все государства-члены официально признали принцип ответственности каждого государства защищать своё население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности.

На практике Совбез ООН впервые сделал официальное заявление об ответственности по защите в апреле 2006 г. в резолюции № 1674 «О защите граждан в вооружённых конфликтах». Совбез указывал на обязанность государства защищать своих жителей в ряде последующих

резолюций: резолюциях 1970 от 26.02.2011 г. и 1973 от 17.03.2011 г. (по Ливии); резолюции 1975 от 30 марта 2011 г. (по Кот-д'Ивуару), резолюции 1996 от 8.07.2011 г. (по Южному Судану), резолюции 2014 от 21.10.2011 г. (по Йемену) [16]. В настоящий момент принцип «ответственности по защите» является своего рода «мягким правом». Показательно в этом отношении, что в официальных документах ООН чётко разводятся понятия «гуманитарная безопасность» и «ответственность по защите» [8, с.3].

Возникновение новых норм международного права пусть медленно и постепенно, но приводит к переосмыслению принципов государственного суверенитета и невмешательства. Факторы, способствующие укреплению новых норм и нового взгляда на легитимность действий государства, многообразны, и не последнюю роль среди них играет историческое наследие. Современные внешнеполитические принципы осознаются в результате ответов на простые вопросы: «кто мы?», «какова наша роль в мире?».

Наследие холокоста, Второй мировой войны, победы в ней и её ценности помогают ответить на них. Таким образом, наследие не теряет своего значения, участвуя в формировании внешнеполитических идентичности и принципов ведущих государств мира.

Список литературы

1. Агамбен Д. *Homosacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. Агамбен Д. *Homosacer*. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
3. Агамбен Д. *homo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. 192 с.
4. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
5. Арндт Х. О насилии. – М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
6. Балувев Д.Г. Понятие *human security* в современной политологии // *Международные процессы*. 2004. №1. С. 95-105.
7. Балувев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики. Очерки текущей политики. Выпуск 3. М.: НОФМО, 2010. 40 с.
8. Доклад Генерального секретаря ООН Генеральной ассамблее «Последующая деятельность по резолюции 66/290 Генеральной Ассамблеи о безопасности человека». A/68/685, 23.12.2013. 20 с.
9. Евтихевич Н.С., Израелян Е.В. Концепция «безопасности личности и общества»: канадский подход. Пути к миру и безопасности. 2013. №1(44). С. 38-51.
10. Кибальник А.Г., Мартиросян А.С. Эволюция уголовной ответственности за геноцид в XX веке. Общество и право. 2012. № 4(41). С. 118-122.
11. Ковригина А. Жанр литературного свидетельства и роман-документ «Бабий яр» А.Кузнецова // Холокост на территории СССР. Материалы XIX Ежегодной конференции по иудаике. Сер. «Академическая Серия». М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2012. С. 122-130.
12. Леви П. Человек ли это? М.: Текст; журнал «Дружба народов», 2001. 205 с.
13. Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010. 196 с.
14. Малышев М.А. Свидетель как обличитель варварства // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. № 11. С. 330-360.
15. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987-1999. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1990. 672 с.; Т. 5. М.: Юридическая литература, 1991. 672 с.

16. Справочная информация: Ответственность по защите / Официальный сайт Программы просветительской деятельности «Геноцид в Руанде и ООН». Режим доступа: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения: 02.11.2015).
17. Холокост: энциклопедия. Под ред. Б. Ю. Иванова. М.: РОССПЭН, 2005. 808 с.
18. Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Научно-просветительный Центр «Холокост», 2009. 1143 с.
19. Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. 2008. №10. С. 165-171.
20. Acemoglu D., Hassan T.A., Robinson J.A. Social structure and development: A Legacy of the Holocaust in Russia // Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126 (2). Pp. 895-946.
21. A Geography of Complicity. Spaces and Mentalities in Wehrmacht Participation in Einsatzgruppen Killings in the Soviet Union / United States Holocaust Memorial Museum Official Website. Режим доступа: <http://www.ushmm.org/learn/mapping-initiatives/geographies-of-the-holocaust/geography-of-complicity> (дата обращения: 30.10.2015).
22. Bauer Y., Keren N. A History of the Holocaust. NY: Franklin Watts. 2002. 432 p.
23. Bernhard M., Reenock C. and Nordstrom T. The Legacy of Western Overseas Colonialism on Democratic Survival, International Studies Quarterly, 2004. Vol.48. Pp. 225–50.
24. Bodelier R. The Rwandan Genocide and the Emergence of Human Security. Режим доступа: <http://ralfbodelier.nl/the-rwandan-genocide-and-the-emergence-of-human-security> (дата обращения: 02.11.2015).
25. Del Nido D. The Shroud of Auschwitz and the State of Good: a Reading of Primo Levi. Режим доступа: <http://www.swarthmore.edu/writing/shroud-auschwitz-and-state-good-a-reading-primo-levi> (дата обращения 30.10.2015).
26. Downey A. Zones of Indistinction. Giorgio Agamben's 'Bare Life' and the Politics of Aesthetics // Third Text. March 2009. Vol.23, Iss.2. Pp. 109-125.
27. Ferreira M.J., Marcelino P.F. Politics in Trauma Times: on Subjectivity, War, and Humanitarian Intervention // Ethics & Global Politics. Vol.4. No.2. 2011. Pp. 135-145.
28. Fiaccadori E. State Racism and the Paradox of Biopower // Foucault Studies. June 2015. No.19. Pp.151-171.
29. Former Canadian Foreign Affairs Minister at DPU. Sunday, October 25, 2015. Режим доступа: <http://m.bannergraphic.com/story/2244006.html> (дата обращения: 28.10.2015).
30. Gasper D. Securing Humanity: Situating 'Human Security' as Concept and Discourse // Journal of Human Development. 2005. Vol.6. No.2. Pp. 221-245.
31. Genocide and Other State Murders in the Twentieth Century / Helen Fein Lecture Transcript. 24.10.1995 // US Holocaust Memorial Museum Official Website. Режим доступа: <http://www.ushmm.org/confront-genocide/speakers-and-events/all-speakers-and-events/genocide-and-mass-murder-in-the-twentieth-century-a-historical-perspective/genocide-and-other-state-murders-in-the-twentieth-century> (дата обращения: 29.10.2015).
32. Geographies of the Holocaust. The Spatial Humanities Series / Ed. by A.K.Knowles, T.Cole, A.Giordano. Bloomington: Indiana University Press. 2014. 260 p.
33. Giaccaria P., Minca C. Topographies/topologies of the Camp: Auschwitz as a Spatial Threshold // Political Geography. 2011. Vol. 30. Pp. 3-12.
34. Giaccaria P., Minca C. Nazi biopolitics and the dark geographies of the selva // Journal of Genocide Research. March-June 2011. Vol. 13. No.1-2. Pp. 67-84.
35. Gilbert M. The Holocaust: the Jewish Tragedy. L.: Collins, 1986. 959 p.
36. Gilbert M. The Dent Atlas of the Holocaust. The complete history. Second edition. L.: Dent. 1993. 396 p.
37. Gilbert M. The Routledge Atlas of the Holocaust. 3rd edition. L., NY: Routledge. 2002. 282 p.
38. Gregory D. Vanishing Points. Law, Violence, and Exception in the Global War Prison / Violent Geographies. Fear, Terror and Political Violence // Ed. by D. Gregory, A. Pred. NY, L.: Routledge. 2007. 390 p.
39. Harff B. No Lessons Learned from the Holocaust? Assessing Risks of Genocide and Political Mass Murder since 1955 // American Political Science Review, 2003, Vol.97, No.1, pp.57-73.
40. Hilberg R. The Destruction of the European Jews. New Haven: Yale University Press. 1961. 1388 p.
41. Humphreys S. Legalizing Lawlessness: On Giorgio Agamben's State of Exception // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. No.3, pp. 677-687.
42. International Relations and States of Exception: Margins, Peripheries, and Excluded Bodies / ed. by S. Biswas, S.Nair. NY: Routledge. 2010. 272 p.
43. Kogon E. The Theory and Practice of Hell: the German Concentration Camps and the System behind them. NY: Farrar, Straus and Cudahy. 1950. 343 p.
44. LaCapra D. History in Transit. Experience, Identity, Critical Theory. Ithaca and L.: Cornell University Press. 2004. 288 p.

■ Мировая политика

45. Moyn S. In the aftermath of camps // Histories of the Aftermath / Ed. by F. Biess, R. G. Moeller. NY: Berghahn Books. 2010. Pp. 49–64.
46. Oluwadare A.J. Human Security, the Responsibility to Protect and the Crisis in Darfur // International Affairs and Global Strategy. 2013. Vol. 15. Pp.1-12.
47. Pridham, G. Confining Conditions and Breaking with the Past: Historical Legacies and Political Learning in Transitions to Democracy, Democratization, 2000. Vol.7. Pp. 36–64.
48. Rummel R. Democide: Nazi Genocide and Mass Murder. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1992. 159 p.
49. Sofsky W. The Order of Terror. The Concentration Camp. Princeton: Princeton University Press. 1997. 356 p.
50. Sovereign Lives. Power in Global Politics / Ed. by J. Edkins, M.J. Shapiro, V. Pin-Fat. NY, L.: Routledge, 2012. 280 p.
51. Stone D. Modernity and Violence: Theoretical Reflections on the Einsatzgruppen // Journal of Genocide Research. 1999. Vol.1. No.3. Pp.367-378.
52. The Responsibility to Protect / Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa: International Development Research Centre, 2001. 91 p.
53. The United States and R2P: From Words to Action (Symposium) / The United States Holocaust Memorial Museum Official Website. Режим доступа: <http://www.ushmm.org/confront-genocide/speakers-and-events/all-speakers-and-events/the-united-states-and-r2p-from-words-to-action> (дата обращения: 28.10.2015).
54. Wittenberg, J. What is a Historical Legacy? Mimeo. 2010. 26 p. Режим доступа: <http://www.jasonwittenberg.org/wp-content/uploads/2013/05/Witty-Legacy-APSA-2013.pdf>. (дата обращения: 28.10.2015).

Об авторе

Громогласова Елизавета Сергеевна – к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН; научная специализация: теория международных отношений; E-mail: e_gromoglasova@imemo.ru.

HOLOCAUST AND ITS LEGACY IN THE LIGHT OF THE CONTEMPORARY HUMANITARIAN ISSUES

E.S. Gromoglasova

Primakov Institute of World Economy and International Relations. Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), 23, Profsoyuznayastr., Moscow, 117997, Russian Federation.

Abstract: *The paper discusses in-depth new perspectives in the Holocaust studies. It pays special attention to the spatiality of the Nazi camps and analyzes the Holocaust geographies more in general. It conceptualizes the camp as a 'space of lawlessness' that was created by political means of terror and exclusion. The specific spatiality of the Nazi camp was constructed by perpetrators with intentions to neglect both juridical law and moral laws of humanity. To prove this point the author analyzes P. Levi, the survivor of Auschwitz, witness and his prominent books "The Drowned and the Saved" and "If This Is a Man". After reading his witness one can conclude that two spatial characteristics of the camp have been the most fundamental. The first one were the borders that cut the camp's inmates from the people lived in the outside world and made impossible all human relations like providing help, solidarity, empathy. The second one was 'the grey zone' – a spatial metaphor that P. Levi used to explain all forms of collaboration with the camp authorities. The presence of the 'grey zone' as a main characteristic of the Nazi camp allows us to conceptualize it as a 'space' where 'the starry heavens and internal moral law' were no more present. So, the Nazi camp is a 'place of indistinction', a 'spatial threshold' where 'moral' and 'immoral', 'human' and 'animal', 'drowned' and 'saved' were no more distinguishable. The author analyzes more broaden Holocaust geographies outside the camp. Nazis used extensively occupied territories in Eastern Europe to perpetrate their crimes. The author concludes that the geographical localization of the Holocaust was an expression of Nazi irrational genocidal intentions and spatial imaginations. Eastern territories have been constructed by Nazis as 'broaden spaces of exception and lawlessness'. That spatial imagination and planning allowed the perpetrators to neglect juridical and moral laws in reality. The paper concludes by insisting on the importance of the Holocaust legacy for modern humanitarian action and thinking. The Holocaust legacy helps us to conceptualize more precisely 'new spaces of lawlessness'. It provides a base for the concepts of human security and 'global responsibility' for saving humanity in the contemporary world.*

Key words: Holocaust, genocide, one-sided violence, political space, space of exception, G. Agamben, legacy, Second World War, biopolitics, human security.

References

1. Acemoglu D., Hassan T.A., Robinson J.A. Social structure and development: A Legacy of the Holocaust in Russia. *Quarterly Journal of Economics*, 2011, vol. 126 (2), pp.895-946.
2. Agamben G. *Homo Sacer. Il Potere Sovrano e la Nuda Vita*. Torino, Einaudi, 1995. 234 p. (Russ.ed.: Agamben G. *Homo Sacer. Suverennaja Vlast' I Golaja Zhizn'*. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.)
3. Agamben G. *Homo Sacer. Quel Che Resta di Auschwitz: L'archivio e il Testimone*. Torino, Bollati Boringhieri, 1998. 165 p. (Russ. ed.: Agamben G. *Chto Ostaetsja Posle Osvencima: Arhiv i Svidetel'*. Moscow, Evropa Publ., 2012. 192 p.)
4. Agamben G. *Homo Sacer. Stato di Eccezione*. Torino, Bollati Boringhieri, 2003. 120 p. (Russ.ed.: Agamben G. *Homo Sacer. Chrezvychnoe polozhenie*. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.)
5. *A Geography of Complicity. Spaces and Mentalities in Wehrmacht Participation in Einsatzgruppen Killings in the Soviet Union / United States Holocaust Memorial Museum Official Website*. Available at: <http://www.ushmm.org/learn/mapping-initiatives/geographies-of-the-holocaust/geography-of-complicity> (accessed: 30.10.2015).
6. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. NY, Schocken Books, 1951. 704 p. (Russ.ed: Arendt H. *Istoki totalitarizma*. Moscow, Centr Kom, 1996. 672 p.)
7. Arendt H. *On Violence*. NY, Harcourt, Brace, 1970, 106 p. (Russ.ed.: Arendt H. *O nasilii*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2014. 148 p.)
8. Baluev D.G. Ponjatie human security v sovremennoj politologii [The Concept of Human Security in Modern Political Science]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends Journal]*, 2004, no. 1, pp. 95-105. (In Russian).
9. Baluev D.G., Novosjolov A.A. «Seryezony» mirovojpolitiki [The 'Grey Zones' in World Politics]. Issue 3. *Ocherki tekushhej politiki [Essays in World Politics]*. Moscow, NOFMO Publ., 2010. 40 p. (In Russian).
10. Bauer Y., Keren N. *A History of the Holocaust*. NY: Franklin Watts. 2002. 432 p.
11. Bernhard M., Reenock C. and Nordstrom T. The Legacy of Western Overseas Colonialism on Democratic Survival. *International Studies Quarterly*, 2004, vol.48, pp. 225–50.
12. Bodelier R. The Rwandan Genocide and the Emergence of Human Security. Conference on Transitional Justice. Kigali, Rwanda. July 2011. Available at: <http://ralfbodelier.nl/the-rwandan-genocide-and-the-emergence-of-human-security> (accessed: 02.11.2015).
13. Chernovickaja Ju.V. «Kosvennyj» genocid v sovremennomobshhestve (social'no-filosofskie aspekty). [Indirect Genocide in Modern Society (Social and Philosophical Aspects)]. *Voprosy filosofii [Philosophical Questions]*, 2008, no. 10, pp.165-171. (In Russian).
14. Del Nido D. The Shroud of Auschwitz and the State of Good: a Reading of Primo Levi. Swarthmore College. Available at: <http://www.swarthmore.edu/writing/shroud-auschwitz-and-state-good-a-reading-primo-levi> (accessed 30.10.2015).
15. Report of the Secretary-General 'Follow-up to General Assembly Resolution 66/290 on Human Security'. A/68/685. UN. 23.12.2013. Available at: http://www.un.org/en/ga/president/68/pdf/S-G_Report_on_Human_Security_A-68-685.pdf (accessed: 28.10.2015).
16. Downey A. Zones of Indistinction. Giorgio Agamben's 'Bare Life' and the Politics of Aesthetics. *Third Text*, March 2009, vol.23, iss. 2, pp. 109-125.
17. Evtihevich N.S., Israeljan E.V. Konceptcija «bezopasnosti lichnosti I obshhestva»: kanadskij podhod [The Concept of Human and Social Security: the Canadian Approach]. *Puti k miru i bezopasnosti [The Ways to Peace and Security]*, 2013, no.1 (44), pp. 38-51. (In Russian).
18. Ferreira M.J., Marcelino P.F. Politics in Trauma Times: on Subjectivity, War, and Humanitarian Intervention. *Ethics & Global Politics*, 2011, vol.4, no. 2, pp. 135-145.
19. Fiaccadori E. State Racism and the Paradox of Biopower. *Foucault Studies*, June 2015, no.19, pp.151-171.
20. Former Canadian Foreign Affairs Minister at DPU. *Greencastle Banner-Graphic*. 25.10.2015. Available at: <http://m.bannergraphic.com/story/2244006.html> (accessed: 28.10.2015).
21. Gasper D. Securing Humanity: Situating 'Human Security as Concept and Discourse. *Journal of Human Development*, 2005, vol.6, no.2, pp. 221-245.
22. Fein H. Genocide and Other State Murders in the Twentieth Century. Lecture Transcript. US Holocaust Memorial Museum Official Website. 24.10.1995. Available at: <http://www.ushmm.org/confront-genocide/speakers-and-events/all-speakers-and-events/genocide-and-mass-murder-in-the-twentieth-century-a-historical-perspective/genocide-and-other-state-murders-in-the-twentieth-century> (accessed: 29.10.2015).

■ **Мировая политика**

23. Geographies of the Holocaust. The Spatial Humanities Series. Ed. by A.K.Knowles, T.Cole, A.Giordano. Bloomington: Indiana University Press. 2014. 260 p.
 24. Giaccaria P, Minca C. Topographies/topologies of the Camp: Auschwitz as a Spatial Threshold. *Political Geography*, 2011, vol.30, pp.3-12.
 25. Giaccaria P, Minca C. Nazi biopolitics and the dark geographies of the selva. *Journal of Genocide Research*, March-June 2011, vol. 13, no.1-2, pp.67-84.
 26. Gilbert M. *The Holocaust: the Jewish Tragedy*. L.: Collins, 1986. 959 p.
 27. Gilbert M. *The Dent Atlas of the Holocaust. The complete history*. Second edition. London, Dent Publ., 1993. 396 p.
 28. Gilbert M. *The Routledge Atlas of the Holocaust*. 3rd edition. London, New York, Routledge Publ. 2002. 282 p.
 29. Gregory D. *Vanishing Points. Law, Violence, and Exception in the Global War Prison / Violent Geographies. Fear, Terror and Political Violence*. Ed. by D. Gregory, A. Pred. London, New York, Routledge. 2007. 390 p.
 30. Harff B. No Lessons Learned from the Holocaust? Assessing Risks of Genocide and Political Murder since 1955. *American Political Science Review*. 2003, vol. 97, no.1, pp.57-73.
 31. Hilberg R. *The Destruction of the European Jews*. New Haven, Yale University Press. 1961. 1388 p.
 32. *The Holocaust: Encyclopedia*. Ed. by W. Laqueur. Yale University Press. 2001. 816 p. (Russ.ed.: *Holokost: jenciklopedija* Ed. by B. Ju. Ivanov. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2005. 808 p.).
 33. *Holokost na territorii SSSR: Jenciklopedija [The Holocaust on the USSR Territory: Encyclopedia]*. Ed. by I.A. Al'tman. Moscow, ROSSPJeN, Holokost Publ., 2009. 1143 p. (In Russian).
 34. Humphreys S. Legalizing Lawlessness: On Giorgio Agamben's State of Exception. *The European Journal of International Law*, 2006, vol. 17, no.3, pp. 677-687.
 35. *International Relations and States of Exception: Margins, Peripheries, and Excluded Bodies*. Ed. by S.Biswas, S.Nair. New York, Routledge Publ., 2010. 272 p.
 36. Kibal'nik A.G., Martirosjan A.S. Jevoljucija ugovolnoj otvetstvennosti za genocid v XX veke [The Evolution of Criminal Liability for Genocide Crime in the XX century]. *Obshhestvo i pravo*, 2012, no. 4(41), pp. 118-122. (In Russian).
 37. Kogon E. *The Theory and Practice of Hell: the German Concentration Camps and the System behind them*. New York, Farrar, Straus and Cudahy Publ. 1950. 343 p.
 38. Kovrigina A. Zhanr literaturnogo svidetel'stva i roman-dokument «Babij jar» A.Kuznecova [The Genre of Literary Witness and A.Kuznecov Document-Novel 'BabiyYar']. *Holokost na territorii SSSR. Materialy XIX Ezhegodnoj konferencii po iudaike. Ser. «Akademicheskaja Serija» [The Holocaust on the USSR Territory. Materials of the XIX Annual Conference of Jewish Studies, Academic Series]*. Moscow, Centr nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v VUZah «Sjefer», 2012. Pp. 122-130. (In Russian).
 39. La Capra D. *History in Transit. Experience, Identity, Critical Theory*. Ithaca and London, Cornell University Press. 2004. 288p.
 40. Levi P. *Se questo è un uomo*. Torino, De Silva, 1947. 197p. (Russ. ed: Levi P. *Chelovek li jeto?* Moscow: Tekst; zhurnal «Druzhbanarodov», 2001. 207 p.).
 41. Levi P. *I sommersi e salvati*. Torino, Einaudi.1986. 202 p. (Russ. ed.: Levi P. *Kanuvshie i spasennye*. Moscow. Novoe izdatel'stvo, 2010. 196 p.).
 42. Malyshev M.A. *Svidetel' kak oblichitel' varvarstva. [The Witness As an Accuser of Barbarity]*. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Scientific Annual of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Department, Russian Academy of Sciences]*, 2011, no. 11, pp. 330-360. (In Russian).
 43. Moyn S. In the aftermath of camps. *Histories of the Aftermath*. Ed. by F. Biess, R. G. Moeller. New York, Berghahn Books. 2010. Pp. 49–64.
 44. *Njurnbergskij process: Sbornik materialov v 8 tomakh [The Nuremberg Trials: Collection of Documents in 8 volumes]*. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1987-1999. Vol. 4. Moscow, Juridicheskaja literature Publ, 1990. 672 p.; Vol. 5. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1991. 672 p. (In Russian).
 45. Oluwadare A.J. Human Security, the Responsibility to Protect and the Crisis in Darfur. *International Affairs and Global Strategy*, 2013, vol. 15, pp. 1-12.
 46. Pridham, G. *Confining Conditions and Breaking with the Past: Historical Legacies and Political Learning in Transitions to Democracy*. *Democratization*, 2000, vol.7, pp. 36–64.
 47. Rummel R. *Democide: Nazi Genocide and Mass Murder*. New Brunswick, New Jersey, Transaction Publ., 1992. 159 p.
 48. Sofsky W. *The Order of Terror. The Concentration Camp*. Princeton: Princeton University Press. 1997. 356 p.
 49. *Sovereign Lives. Power in Global Politics*. Ed. by J.Edkins, M.J.Shapiro, V.Pin-Fat. New York, London, Routledge Publ., 2012. 280 p.
-

50. Information on "R2P". Official Website of the UN Program 'Rwanda Genocide and the UN. UN. Available at: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml>. (accessed: 02.11.2015). (In Russian).
51. Stone D. Modernity and Violence: Theoretical Reflections on the Einsatzgruppen. *Journal of Genocide Research*, 1999, vol.1, no.3, pp.367-378.
52. The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa: International Development Research Centre, 2001. 91 p.
53. The United States and R2P: From Words to Action (Symposium). The United States Holocaust Memorial Museum Official Website. Available at: <http://www.ushmm.org/confront-genocide/speakers-and-events/all-speakers-and-events/the-united-states-and-r2p-from-words-to-action> (Accessed: 28.10.2015).
54. Wittenberg, J. What is a Historical Legacy? Mimeo. 2010. 26 p. Available at: <http://www.jasonwittenberg.org/wp-content/uploads/2013/05/Witty-Legacy-APSA-2013.pdf> (accessed: 28.10.2015).

About the author

Elizaveta S. Gromoglasova – PhD(Political Sciences), Leading Researcher at Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN). E-mail: e_gromoglasova@imemo.ru.